

АЛЕВТИНА ВАСИЛЬЕВНА КАМИТОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник  
отдела филологических наук, Удмуртский институт  
истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск, Российская Федерация)  
*akamitova@mail.ru*

## КНИГА И ПИСЬМЕННОСТЬ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УДМУРТОВ

Рассматриваются традиционные представления удмуртов о книге и письменности. На основе сравнительного анализа фольклорных материалов, зафиксированных исследователями XIX века, выявлена единая типология сюжета. Аналогичные тексты, повествующие о письменности и книге, обнаружены у чувашей, мариццев, якутов. Схожесть сюжетов этих рассказов с содержанием удмуртских легенд гипотетически можно объяснить общими культурно-этническими процессами, происходившими в разные исторические периоды. Отдельное внимание уделено содержащимся в удмуртских текстах сведениям о тамговых знаках, на основе которых была написана книга. Рассмотрены этнографический и фольклорно-исторический аспекты бытования этих знаков. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что в определенные исторические моменты, ставшие переломными в судьбах народов, могли создаваться подобные мифы и легенды с общей сюжетно-образной канвой. Вопрос на этом не исчерпывается и оставляет исследователям возможность для новых открытий.

Ключевые слова: книга, письменность, знак, тамга, традиционные представления удмуртов, удмуртские легенды

Представления о книге и письменности воплощены в мифоэтической картине мира многих народов. Удмуртские легенды о книге, дошедшие до нашего времени, существуют лишь в нескольких вариантах. Зафиксированы они исследователями XIX века Николаем Григорьевичем Первухиным<sup>1</sup> и Борисом Гавриловичем Гавриловым<sup>2</sup>. Также имеются сведения о том, что в материалах Ф. И. Страленберга, ученого XVIII в., содержится «предание о берестяной книге удмуртов с записями их национальных обрядов, обычаями и порядка судопроизводства» [20: 117]. П. К. Поздеев предполагает, что немецкий ученый «записал этот текст в 1711 году, по всей вероятности, во время пребывания в селе Юски (близ пос. Кез)» [20: 117]. К сожалению, на данный момент мы не располагаем точными сведениями относительно этого утверждения. Письменно зафиксированные легенды Б. Г. Гаврилова и Н. Г. Первухина позднее легли в основу сюжета эпоса Михаила Георгиевича Худякова<sup>3</sup>. В его рукописи есть указания на то, что сюжет десятой песни о священной книге заимствован автором из записей вышеупомянутых исследователей<sup>4</sup>.

Любопытным является тот факт, что в большинстве известных удмуртских легенд описывается единый сюжет исчезновения, уничтожения или утраты книги, «знания тамг», грамотности. В целом содержание сводится к утрате письменности. В одной из легенд говорится о том, как большая белая корова, посланная Инмаром<sup>5</sup>, съела без остатка берестяную книгу, тем самым «Инмар отнял у них (удмуртов. – А. К.) знание тамг, которое они прежде имели»<sup>6</sup>. Другие легенды гласят, что книга была сожжена

огнем, в одних случаях – умышленно («Когда русские начали распространять христианство... тогда сторож книги, опасаясь за ее хранение подвернулся каким-нибудь мученикам со стороны русских, порешил ее сжечь»<sup>7</sup>, «...жрец сказал... теперь вотяков всех будут крестить. Книгу нашу найдут, тогда нам плохо будет, надо ее сжечь»<sup>8</sup>), в других – случайно («Долго они (русский, татарин и удмурт. – А. К.) читали свои книги. Между тем вотяк уснул так крепко, что опустил свои руки, уронив при этом свою книгу прямо в костер, которая сгорела дотла. Самая грамотность сохранилась только у русских да у татар; у вотяков же исчезла безследно»<sup>9</sup>).

В приведенных примерах мы имеем в виду скорее легенды-рассказы, в которых объясняется проблема «изначального знания» (термин Чеснова). Подобные сведения о книге продолжают фиксировать и современные исследователи во время полевых экспедиций. Например, археолог Н. И. Шутовой от жителей д. Кузебаево (Алнашского района УР) была записана информация о некогда существовавшей книге «Булда», «по которой молились на святилище Булды. Говорят, в той книге “все было расписано, в каком году и когда проводить моление, когда бросать жребий”, она сгорела при пожаре» [31: 59].

В очень близкой форме представления о письменности, письме, книге, грамоте существуют у многих народов. Российский этнограф Я. В. Чеснов подобные произведения называет «мифами о съеденной письменности» [29: 170] и приводит большое количество аналогичных примеров. Исследователь замечает «бытование мифа у бесписьменных народов или явно

заимствовавших письменность у соседей» [29: 170]. Нам также удалось обнаружить тексты об утраченной книге у чувашей, марийцев, якутов. Например, у марийцев бытует предание о якобы вытканной на холсте марийской священной книге, которую съела корова [12: 21]. В варианте рассказа В. А. Акторина также повествуется о книге, которую съела корова<sup>10</sup>.

В якутских легендах описывается то, что их книга утеряна – в одних случаях, сгорела – в других<sup>11</sup>. Из устных рассказов А. Васильевой<sup>12</sup> также известно о книге якутов, съеденной коровой<sup>13</sup>. Книга чувашей также оказывается проглоченной коровой или овцой<sup>14</sup>.

В традиционном понимании удмуртов сохранились разные представления о книге. С приобщением народа к православной культуре укреплялось понимание о «священной» книге. Прочие знания и вера могли быть связаны с «испорченной книгой/книгой порчи» (*сöрыськем книгаёс*)<sup>15</sup>. Магические знания также закреплены в книге. «Колдовское же знание до сих пор ассоциируется с “черной” книгой, графика которой непонятна для непосвященных. По представлениям, страницы такой книги черные, начертание же знаков имеет белый цвет. “Книга” может быть в виде “толстой”, общей, тетради. Удмуртская поэтесса Л. Д. Кутянова (Айтуганова) вспоминала, как в детстве она вместе с подругами набралась храбрости и тайком заглянула в “книгу-тетрадь” своего деда, который слыл в округе сильным колдуном и часто ее “читал”. Она рассказывала о своем недоумении, когда увидела там лишь зигзагообразные линии», – отмечает Т. Г. Владыкина [7: 35–36].

В известных на сегодняшний день удмуртских сказаниях обращают на себя внимание весьма любопытные сведения о тамговых знаках, на основе которых была написана книга. Так, в «Легенде о книге» описывается то, как удмурты сделали книгу: «...употребив вместо бумаги бересту и записав на берестяных листах тамгами, как надо богам молиться и суд чинить над людьми»<sup>16</sup>. В другом варианте предания говорится о том, что у удмуртов «был записан тамгами в берестяной книге порядок богослужения и суда, и книга эта охранялась самым старшим и уважаемым жрецом до самого прихода русских»<sup>17</sup>. Исследователь Г. К. Шкляев в книге «Очерки этнической психологии удмуртов» (2003) приводит факт того, что «богатыри перебрасывались с городища на городище бревнами с нанесенными на них письменами, якобы для обмена новостями» [30: 91]. К сожалению, исследователь не приводит ссылку на источник. Подобный сюжет в литературных источниках нам не удалось выявить. В этой связи кратко остановимся на описании этого интереснейшего явления – тамговых знаков – пусов.

Как известно, удмурты, как и другие финно-угорские народы, широко использовали в быту особые тамговые знаки. По этому поводу известный немецкий ученый М. Бух писал: «Большинство финских народов, да и вообще большинство народов, имеют или имели, не зная собственного письма, такие именные или семейные знаки»<sup>18</sup>. Их использование было важным по значению и полифункциональным по назначению в семейно-бытовой и общественной жизни народа. Однако до сих пор не имеется комплексного исследования тамги удмуртов. Вопросы происхождения, классификации и функции этих знаков продолжают оставаться в пространстве актуального осмыслиения современных исследователей.

По наблюдениям исследователей, тамговые знаки выполняли разнообразные функции. Они могли быть знаком собственности, играть роль геральдического знака, выступать в роли письменного знака и т. д.<sup>19</sup>

Согласно археологическим данным, удмуртские пусы встречаются в IX–XIII веках на kostяных вещах [2: 176]. Например, в результате раскопок в городищах Чепецкой археологической культуры (Иднакар, Дондыкар, Гурьякар, Маловенежский Поркар) были обнаружены изделия из кости и рога с прочерченными на них знаками-пушами [3: 98]. На найденных археологами орудиях труда (шильях, ножах), бытовых предметах (ложках, гребнях, кочедыках) присутствовали тамговые «орнаменты»<sup>20</sup>. В письменных документах XVIII века также встречаются упоминания об этом знаке. Так, например, «в описи имущества удмурта Сидора Асанова сына Будина... упоминается “перстень серебряный, мужской, на нем печать – мое борное пятно”» [10: 77].

Сведения о загадочных письменах также сохранились в песенных текстах завятских удмуртов, записанных Ю. Вихманном<sup>21</sup> в конце XIX века, Л. Викаром<sup>22</sup> и Г. Берецки<sup>23</sup> в конце XX века, на что обратила внимание этномузиковед И. М. Нуриева. Согласно словам песен, письмена «могут быть вырезаны или написаны на корнях деревьев» [19: 68]:

*kiśpri vijžijad goštet  
goštil' l'am  
öi to dí so-ik goštetez  
atailen d'uirtaz iuijsa  
öt to dí atailiš kàdjyrze.*

*u(l)moriwe(d)len no(j)  
ajig(e) vijžiaz  
mjanmí nim(i) nōsij  
no(je) gožtemiñ  
kotnoš-kin(i) kotmar(e)  
no(je) medik veraloz  
mjanmí šulemi no(je)  
čídaloz.*

На корнях березы письмо написано,  
Не ведаю того письма.  
Живя в отцовском доме,  
Не понимал я его  
цены<sup>24</sup>.

На корнях яблони  
Мои имена написаны.  
Пусть каждый (про  
меня) говорит,  
Мое сердце стерпит<sup>25</sup>.

Письмена могли быть написаны и на камнях:

*tubi-no d'uzet gurezä, goštät gošti t öd'e iz-välä: luono luontäm-no, aij, už'd'oslä t'ak öi bette no pińal d'erłosmä.*

Поднялся да на высокую гору,  
Письмо написал на белом камне:  
На предстоящие да невозможные дела  
Понарасну не тратил юные годы<sup>17</sup>.

О бортевых тамгах как о роде письменности у удмуртов писал С. Н. Курочкин: «Борти свои Вотяк запятывал, вырубая на них топором знак, который каждый хозяин выбрал однажды навсегда. Такие знаки называются бортевыми тамгами; это у Вотяков род письменности»<sup>27</sup>. Г. Е. Верещагин гипотетически рассуждал, что бортевые тамги – *подэм пус*<sup>28</sup> «прежде составляли алфавит вотякского языка род китайских знаков»<sup>29</sup>. Как известно, у ряда народов каждая тамга имела свое собственное имя. По свидетельству Г. Е. Верещагина, бортевые тамги удмуртов также «прежде имели особое название»<sup>30</sup>. Мумы пус ‘материнский знак’, *кург кук* ‘куриная нога’, *кечат* ‘крест’, *саник* ‘вилы’ – вот некоторые названия удмуртских *пусов*<sup>31</sup>.

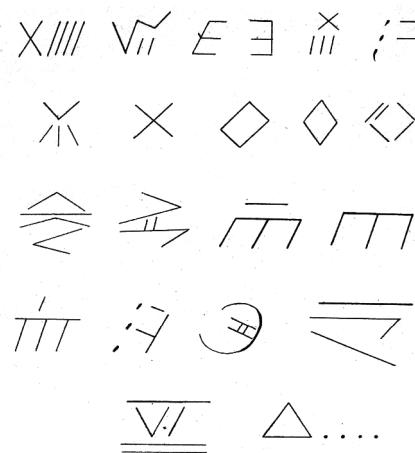


Рис. 1. Удмуртские тамги. Из книги Г. Е. Верещагина «Вотяки Сарапульского Уезда Вятской губернии». СПб., 1889. С. 198

На знаки-тамги некогда обратил внимание этнограф М. Т. Бух. В своей работе «Вотяки» (1882) он поместил разные виды этих знаков. «Письмо (гожтэм) вотяки используют очень редко, но зато с давних пор применяют определенные знаки, которые называются тамга», – отмечает исследователь<sup>32</sup>. М. Т. Бух свидетельствует, что такое «письмо» использовалось для обозначения своей собственности, а также чтобы поставить подпись и т. п.<sup>33</sup> В целом применение тамговых знаков было разнообразно. По свидетельству Г. Е. Верещагина, тамги-пусы «не что иное, как семейные печати; в старину они имели значение собственноручной подписи, так как прикладывались

к актам и вообще всем деловым бумагам самими домохозяевами... Образцы таких знаков, снятых нами с рукописи мирского приговора 9 августа 1798 года, которым вотяки обязывались платить ругу духовенству Завьяловской церкви...»<sup>34</sup>. По данным П. Н. Луппова, по «Указу папы Григория от 2 ноября 1741 г.» более пятисот удмуртов «выразили согласие принять христианство и особыми подписками, утвержденными бортными пятнами, обязались явиться в Верхочепецкий монастырь или с. Еловское для крещения» [16: 155]. В современных исследованиях отмечается, что тамги «иногда могли даже продать», «пузы играли важную роль в качестве доказательства на общинах и волостных судах...», «фигурировали... в качестве оберегов» [2: 176].

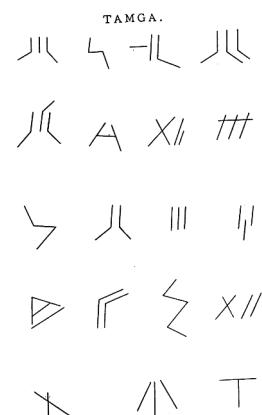


Рис. 2. Удмуртские тамги (*пусы*). Из книги Макса Буха «Вотяки». Гельсингфорс, 1882. С. 190

Подробное исследование «родовых знамен», «бортных пятен» или «подэм пусов» было проведено П. М. Сорокиным<sup>35</sup>. Кроме того, он выделяет и другое видовое название «гужем пус» – полевой знак, надрезываемый на колышках, втыкаемых по разделе поля каждым домохозяином у своей полосы»<sup>36</sup>. Исследователем выявлено более 500 названий «подэм пусов»<sup>37</sup>. По словам исследователя, пузы наносились на вещи и изделия из дерева, кости, рога и в виде исключения – из воска, а также на живое дерево, например бортевое<sup>38</sup>.



Рис. 3. Образцы удмуртских тамговых знаков. Из книги И. Васильева «Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний». Казань, 1906. С. 22

Письменные знаки для ведения счета у удмуртов тоже именовались «пус» (знак, тамга)<sup>39</sup>. Как отмечают ученые, «цифры всегда вырезают на палочке, которая называется пус»<sup>40</sup>; «сбор денег производится всегда по тамгам или знакам, слу-

жащим вместо печати или расписки. Эти знаки отмечаются по получении денег от кого-либо на лутошке. Вырезывают ножом сверху вместо имени тамгу или число душ данного человека по порядку домов, а снизу под сей тамгой сумму полученных денег римскими цифрами»<sup>41</sup>; «счисление производится на лутошечных палочках посредством вырезывания… знаки эти носят общее название бирок, а у самих вотяков – пус»<sup>42</sup>; «на бирках или по местному “пусах” зарубали или записывали результаты счетных операций, и на бирках отмечали фамильный знак владельца бирки или, как говорят, “пятнали”»<sup>43</sup> [8: 208].

Родственный удмуртам народ коми до возникновения буквенного письма также пользовался счетно-тамговым знаком, называемым «пас»<sup>44</sup>. Пасы наносились на различные предметы, в том числе – на собственно *пасы* или, иначе, бирки<sup>45</sup>. На сегодняшний день существуют научные версии о возможности влияния *пасов* на древнепермскую азбуку<sup>46</sup> [17], [21], [24]. «Известное влияние на оформление начертаний древнепермских букв<sup>47</sup> оказала, по-видимому, древнекомийская тамга», – отмечает В. И. Лыткин [17: 26]. Другие исследователи поддерживают общепринятое мнение: «Стефан составил древнекоми азбуку из 24 букв по образцу греческих и славянских. По образцу, но не по полному подобию. При составлении азбуки Стефан использовал и древние коми пасы – метки, знаки» [21: 258]. Отголоски тамговых знаков Л. С. Грибова прослеживает в элементах орнамента финно-пермских народов. К примеру, основой многих геометрических узоров в народном искусстве коми, по мнению исследователя, «служили… тамги – *пасы* – знаки родовой и семейной принадлежности и собственности» [9: 155]. Свою гипотезу Л. С. Грибова подтверждает данными других ученых, указывающими на использование тамг в качестве мотивов орнаментации.

До настоящего времени в некоторых хозяйствах сохраняется традиция ставить *пусы* (клеймить)<sup>48</sup> домашним животным и птицам. Нанесение тамговых знаков на так называемых полевых или межевых колышках при разделе земельных, сенокосных угодий и т. п. в современном мире приняло «усовершенствованный» вид. В наши дни на таких колышках пишутся инициалы или фамилии владельца участка. Сохранившиеся предметы старины также могут хранить информацию о знаках-*пусах*. В частности, нами был обнаружен лоток, именуемый по-удмуртски «дуско» или «слюсы», с вырезанным на нем знаком-*пусом*<sup>49</sup>. Такие же *пусы* зафиксированы и на

надгробных камнях в удмуртских деревнях Балтасинского района [19: 269].

Потребность в «тамговой письменности» проявляется, как видим, в различных сферах: в хозяйственной и государственной жизни (клеймение, мирские приговоры), в торговле (воршудный знак могли продать), в судебном разрешении споров, в имущественных отношениях (тамговые надписи, удостоверяющие собственность). В любом случае, используемый в различном контексте тамговый знак рассчитан на прочтение, при этом, выражаясь словами Ю. М. Лотмана, «природа “чтения” в каждом случае будет глубоко своеобразна» [15: 318]. Что касается мифо-поэтических взглядов удмуртов на книгу, письменность, знания тамговых знаков, то они были тесно связаны с представлениями о письменной культуре. Сопутствующие понятийные термины в процессе эволюции закономерно закрепились в удмуртской лексике, а с возникновением удмуртской письменности они стали активным обслуживающим инструментарием в этой области, в результате которого расширились и значения слов. В письменной традиции XX века сохранялась связь с традиционным представлением о книге, букве, письме как узоре на бумаге: *Съёдуп вылын тёдьы пужы* (Доска вылын бурен гож’яськем) ‘На черной доске белый узор (Процесс письма мелом на доске)’; *Кышетэз тёдьы, пужьеэз съёд: кин пуж’ятэ, со ик сэрттэ* (Книга) ‘Платок белый, узор черный: кто вышивает, тот и распускает (Книга)’<sup>50</sup>. Возможно, в вышерассмотренных легендах акцентировка на знании удмуртов тамговых знаков осмысливалась как некий маркер письма.

В целом, очевидно, что единый сюжет исчезновения, уничтожения или утраты книги, грамотности в традиционном представлении удмуртов и других народов связан с определенной утратой единых общечеловеческих ценностей – с одной стороны, и с приобретением ценностей большей значимости, как, например, приобщение к православной вере, – с другой. Возможно, в этот переломный момент и создавались подобные мифы, в которых прочитывается синтез языческого и православного представлений. Сквозной мотив уничтожения книги, «знания тамг», грамотности, на наш взгляд, является образно-метафорическим выражением утраты «веры отцов». Вероятно, акцент на утрате неких письменно закрепленных знаний является нарочитым образом выражением противления православному достижению действительности, путь к которой также лежал через письменную форму.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV-й // Календарь вятской губернии на 1890 год. Вятка, 1889. С. 14–15; Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / Записаны, переведены и изложены Борисом Гавриловым во время его командировки в Вотяцкие

селения Казанской и Вятской губерний. Казань: Типография А. А. Коковиной, 1880. С. 150–151.

<sup>2</sup> Гаврилов Б. Указ. соч. С. 150–151.

<sup>3</sup> Обнаруженная в 1960-е годы в архивных фондах публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге незавершенная рукопись М. Худякова «Из народного эпоса ватяков. Песни, сказания», написанная в стихотворной форме на русском языке, была введена в литературный и научный оборот Даниилом Яшиным. Так, российский читатель в 1986 году впервые знакомится с данным сочинением, опубликованным под названием «Песнь об удмуртских батырах» [27: 97–135]. А в 1997 году С. Васильев и В. Шибанов напечатали полный вариант «Песни девятой», сокращенной в публикации Д. Яшина, и «Песню десятую», отсутствующую в первой публикации [5: 296–302].

<sup>4</sup> Приведем отрывок из указанного эпоса: Но прошли ёщё столетья, / стали вдаль селиться люди, / и сходиться стало трудно / всем в единственное место / И тогда на сходке общей, / на кенеше порешили <...> / все моленья и обряды, / строй суда и справедливость, / записать порядки в книгу, <...>/ Сделав книгу из берёсты, / в этой книге начертали / старцы пусами порядок / и суда и всех молений [26: 107–108].

<sup>5</sup> «Первоначально Инмар был просто одним из божеств, представляющих верхний ярус мира – небесную сферу, – пишет В. Е. Владыкин. – Возвращение Инмара над остальными божествами – явление, несомненно, более позднее, оно произошло под влиянием ислама и христианства, именно они способствовали формированию у удмуртов представлений о едином боге. Вероятно, со времени подчинения части удмуртов булгарскому государству, а затем вхождение всех групп удмуртов в состав Русского государства, когда и на присоединенные земли распространялась власть единого царя, только тогда стали складываться условия для возникновения представлений о едином боге, таковым постепенно и становился удмуртский Инмар. Большое значение в этом процессе имело крещение удмуртов, именно в этот период Инмар приобретает черты христианского бога» [6: 101–102].

<sup>6</sup> Первухин Н. Указ. соч. С. 14. Во всех цитатах авторские пунктуация и грамматика сохранены.

<sup>7</sup> Там же. С. 15.

<sup>8</sup> Гаврилов Б. Указ. соч. С. 151.

<sup>9</sup> Первухин Н. Указ. соч. С. 13.

#### <sup>10</sup> Марла книга

Ала-кунам ожно мариыйнат улмаш, маныт, марла книжакже. Марий ушкаллан пёртеш варен да ушкалжым пукшаш пуртен. А книжакжым ала-молан конгта воктек пыштен да налаш монден. Ушкал, варымым кочышыла, книжакамат кочылы, а марий ужын оғыл. Ушкалжым пукшен лукмеке, марий книжакжым кычылын-кычылын – муны оғыл. Тыге марла книга ушкал мүшкыреши йомын.

Тидеч вара, ала-кунар ий эртимеке, марий ушкалжым шүшкылын да ушкал мүшкырыштö шүдывачашым ужын. Тугай шүдывачаш вольык көргыштö ожно уке улмаш. Марий тудо шүдывачашым мушкаш нангтаен таве деке. Мушмаштыже оччен – пален шке книжакжым. «Тиде мыйын тошто книжкам вет!» – манын. Марий палашыже пален, да тетла лудын кертын оғыл. Тугак подыш шолташ пыштен.

Тулеч вара вольык көргыштö лияш түнгалин шүдывачаш, а марийын марла книжакже ятыр жаплан йо-мын.

<sup>11</sup> Приводим примеры якутских легенд:

#### № 28. Эр-Соготох-Эллэй – создатель якутской культуры

Предки якутов, как рассказывают, были Омогон-Баай и Эр-Соготох-Эллэй. Омогон происходил якобы из бурят. Он поселился в нашем kraю задолго до прибытия Эллэя, имел многочисленную челядь и обладал огромным количеством лошадей и рогатого скота.

Зимой он жил в обмазанной глиной юрте с наклонными стенами и ледяными окнами, а летнее жилье было сделано из коры лиственницы. Для кумыса он употреблял простой берестяной черпак – тордума. Обычай спрятывать летом праздникыах, сопровождаемый хвалой, благодарением богов и молением о благодати, был ему совершенно неизвестен. Вместе с Омогоном, рассказывают, прибыли и шаманы. Его постоянное местожительство было там, где стоит ныне город Якутск.

Однажды к Омогону прибыл один-одинешенек татарский парень по имени Эр-Соготох-Эллэй. Он, рассказывают, был сын царя-иноzemца. В те времена татары воевали будто бы с русскими. Русские оказались победителями. От этой-то войны и бежал Эллэй, найдя истоки нашей реки, он поплыл вниз на плоту. Из-за поспешности бегства он не успел захватить с собой письмена, которые были ему ранее известны. Вот почему мы, якуты, необразованы и не имеем своей грамоты.

По прибытии Эллэй поступил работником к Омогону....

Афанасьев Гавриил Андреевич, 75 лет, Бэстэхского наслега. Июль 1921 г. [13: 38–39].

#### № 34. Книга Эллэя

Эллэй был царский сын. Он бежал от войны между татарами и русскими. Отец его, умерший в дороге, был, кроме того, шаманом, вообще большим знатоком. Он заранее указывал ему дорогу.

У отца имелась книга, которую он спрятал у себя на родине. Позже, уже женившись, Эллэй ездил на родину, но книгу не нашел: поэтому якуты остались без своего образования. При той поездке Эллэй нашел сэлэ и привез с собой. Рассказывают, что книга будто бы сгорела.

Сначала Эллэй ехал с отцом на коне по безводной местности, терпя большие лишения, питаясь пеной, которая выступала на тальниках и имеет вкус меда...

Когда Эллэй на сысыахе возглашал «урууй», в его чашу выпадало белое ильгэ величиной с яйцо чирка.

Харитонов Алексей, 59 лет, 1-го Мальжегарского наслега. Лето 1921 г. [13: 43].

#### № 49. Эр-Соготох-Эллэй

Эр-Соготох-Эллэй бежал от войны вместе с отцом. Отец был слепой. Они перешли через обширные бурятские степи. Шли только по ночам, днем же, боясь, прятались. В той стране росла прекрасная трава, но воды совершенно не было.

#### Марийская книга

Когда-то давно, говорят, и у марийца была марийская книга. Мариец замесил корове дома и завел ее покорить. А книжку почему-то у печки положил да взять забыл. Корова, поедая замешенное, съела и книжку, а мариец не заметил. Накормив и выведя корову, мариец начал искать свою книгу – не нашел. Так марийская книга пропала в животе коровы. После этого, спустя несколько лет, мужик заколол свою корову и в животе ее увидел сырьгут.

Оказывается в давние времена у скотины не было сырьгута. Мариец понес мыть тот сырьгут к колодцу. Во время мытья узнал свою книжку. «Это же моя старая книжка!» – сказал. Мариец усмотреть-то усмотрел, но прочитать-то (ничего) не смог. Так и положил варить в котел.

С тех пор во внутренностях скотины появился сырьгут, а у марийца на долгое время пропала (исчезла) марийская книга [25; 87].

Беглецы утоляли жажду, собирая по ночам росу длинным холстом. У отца имелась деревянная книга; справляясь по ней, он указывал сыну направление пути. В дороге отец умер, но перед смертью указал сыну предстоящую дорогу и предсказал судьбу:

«Идя так, дойдешь до реки. Дальше плыви по этой реке, доберешься до одного богатого человека. Позже ты станешь у него зятем, но из его дочерей ты выбери ту, у которой моча будет с пеной. Такая жена будет детной».

Эллэй книгу отца потерял. Приплыл в этот край, сев верхом на корягу. По прибытии поступил работником к Омогону, у которого было три дочери...

*Слепцов Николай, 79 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Август 1921 г., остров Тиит-Арыы [13: 52–53].*

## № 52. Книга отца Эллэя

Про Эллэя рассказывают, что он родом был татарин и прибыл в этот край с далекого юга. Его отец имел книгу и был образованным человеком. Умирая, в своем последнем слове он сказал сыну:

«Ты свою книгу не бросай и держи всегда при себе. Тогда ты выйдешь в люди! Ни под каким видом не расставайся с нею! Вот скоро ты доберешься до речки. Идя вдоль нее, придешь к большой реке. Привяжи себя к бревну и плыви по этой реке. Не погибнешь!»

Как и сказал умирающий отец, Эллэй добрался до упомянутой реки. У него не было даже топора. Он нашел дерево с корневищем, привязал себя к нему и поплыл. Когда он плыл, сидя верхом на нем, его отражение на воде принимало очертание человека, едущего верхом на коне сплошь белой масти.

Свою книгу Эллэй забыл на том месте, где похоронил отца.

Вот поэтому-то, говорят, он и остался человеком необразованным...

(Дальше рассказчик развивает общеизвестные сюжеты об Омогое. Он знает обычные и типические сюжеты об Эллэе и Омогое).

*Устинов Константин, 82 года, 5-го Мальжегарского наслега. Январь 1925 г., остров Хатынг-Арыы [13: 55].*

<sup>12</sup> Выражаем огромную благодарность А. А. Васильевой за предоставленную информацию.

<sup>13</sup> Из устного рассказа А. А. Васильевой: «Что сама знаю с малых лет – не нашло подтверждения в источниках, которые есть у меня сейчас. Оказалось, что книгу просто потеряли, забыли, оставили. Информация примерно такая: «В древности у наших предков была книга, они умели писать и читать. Но однажды книгу оставили без присмотра. И пришла корова, и съела ее. С тех пор книжка находится у нее в животе и называется “чанкычах”. Сама слышала от мамы в детстве. Сегодня спросила у нее, где она читала об этом. Она говорит, что знает это с детства. “Чанкычах” в словаре переведено как “книжка”, но некоторыми словарями не зафиксировано это слово. Мама сказала, может быть, “харын” (в словаре это – отдел желудка у крупного рогатого скота). Мама вспомнила, откуда она эту легенду знает – отец рассказывал им, когда дети они в детстве не хотели есть похлебку из потрохов».

<sup>14</sup> Приводим примеры чувашских легенд:

## Чăваш кĕнеки

### 583

Чăвашсем ёненнë тăрăх, çĕр çинче çитмĕл çичĕ халăх, çитмĕл çичĕ чĕлхе, çитмĕл çичĕ тĕн. Тĕне кашни халăхах Турă панă. Вырăспа тутара тата чăваша Турă çапла тĕн панă.

Пĕррехинче вырăс, тутар тата чăваш виççĕн пĕр çуртра çĕр выртнă тет. Ирхине ирех вĕсем таçтан аякран кăшкăрса калакан сасса илтрĕс тет, такам: «Атьăр, килĕр, хăвăра вăлли кĕнекене тĕн илĕр!» - тесе калать тет.

Кусем вăскасах тумланма тыгăнчĕс тет. Тутарĕ пушмакне йăкăш-якăш тăхăнчĕ тет те чи малтан чупса тухса кайрĕ тет. Малтан чупса çитнĕшĕн Турă ёна кĕнеке тата виççĕ арäm пачĕ тет. Тутар хыççăн вырăс тесе атисене тăхăнса чупса тухрĕ тет, ёна та Турă кĕнеке пачĕ тет, анчах пĕр арäm çес пачĕ тет. Чăваше ура сырма хăтланса часах тухаймарĕ тет. Турри пăхкаласа-кĕткелесе тăчĕ тет те кĕнекине вăркăнтарчĕ тет те кайрĕ тет. Чăваш чупса тухрĕ тет те пăхать тет, кĕнекине ёнепе сурăх çисе тăраççĕ тет. Çавăнпа чăваш кĕнекесĕр (тĕнсĕр), саккунсăр юлчĕ тет, çавăнпа вăл халĕ те кирemetсемпе çут тĕнчे туррисене ёненсе пурăнат тет. Ёнепе сурăх хырăмĕнч кĕнеке çĕрхут пулса тăчĕ тет. Телей валеçнĕ чух мишер иушмакне тăхăнса пуринчен малтан çитсе илнĕ тет кĕнекене. Вырăс пурттенкесемпе чĕркекелесе тăхăнса чупнă тет, вăл мишертен каярах юлнă тет. Чăваш урине сырма тытăнса темĕн чухлĕ вăхăт ирттернĕ тет. Алăкран тухнă чух ури салтăнса каять те, унтан вăл çĕнĕ кантра явса урине сырса пытать. Телей çуррине ёне чăмласа пĕтернĕ тет. Çавăнпа чăвашсем телей курма кайран вĕреннĕ тет.

583. 1974 ç. ЧР Шупашкар р-чи Тури Макаçра Ф. С. Исаевран Г. Ф. Юмарт çырса илнĕ. – ЧП ГАИ ЁА, III, 376, 11 [28: 203–204].

## Чăваш кĕнеки

### 584

Телей валеçнĕ чух мишер иушмакне тăхăнса пуринчен малтан çитсе илнĕ тет кĕнекене. Вырăс пурттенкесемпе чĕркекелесе тăхăнса чупнă тет, вăл мишертен каярах юлнă тет. Чăваш урине сырма тытăнса темĕн чухлĕ вăхăт ирттернĕ тет. Алăкран тухнă чух ури салтăнса каять те, унтан вăл çĕнĕ кантра явса урине сырса пытать. Телей çуррине ёне чăмласа пĕтернĕ тет. Çавăнпа чăвашсем телей курма кайран вĕреннĕ тет.

584. 1910 ç. ТР Пăва у-че (ялă паллă мар) М. Токмаков çырса илнĕ. – 1, 189, 260 [28: 203–204].

Перевод легенд с чувашского языка:

## Чувашская книга

### 583

По представлению чувашей, на земле существуют 70 и 7 народов, 70 и 7 языков, 70 и 7 верований (религий).

Однажды русский, татарин и чуваш ночевали в одном доме (избе). Рано утром они услышали как кто-то громко кричал: «Подходите, берите для себя книгу и верование!»

Эти начали скорее одеваться. Татарин быстро надел свои башмаки и самым первым выбежал. За то, что пришел первым, Бог дал ему книгу и 3 жены. После татарина выбежал русский, одев сапоги. Бог дал ему книгу и только одну жену. Чуваш долго надевал лапти и не скоро выбежал. Бог ждал-ждал его, выкинул книгу и ушел. Прибежал чуваш, смотрит, а его книгу жуют корова и овца. Поэтому чуваш остался без книги (религии), закона, поэтому до сих пор поклоняется (верует) разным кирметям и богам всего света. А книга в животе у коровы и овцы стала частью желудка.

## Чувашская книга

### 584

Когда раздавали счастье, мордвин надел башмаки, пришел самым первым и получил книгу. Русский побежал вслед за мордвином, надев ботинки. Чуваш же потратил много времени, чтобы обуться в лапти. Когда он проходил через дверь,

- обувка развязалась. Пришлось свить новую веревку и заново обуваться. В это время половину его счастья корова съела. Поэтому чуваши позже всех обрели счастье.
- R. S: Выражаем благодарность И. В. Софроновой за представленный перевод с чувашского языка.
- <sup>15</sup> См.: Житие Симеона Верхотурского на вотском языке. 2-е изд. Православного Миссионерского Общества. Казань: Типография А. М. Петрова, Поп.-Влад. ул., с. д., 1900. С. 5.
- <sup>16</sup> Первухин Н. Указ. соч. С. 14.
- <sup>17</sup> Первухин Н. Указ. соч. С. 15.
- <sup>18</sup> См.: Бух М. Вотяки (Этнологическое исследование) / Перевод с немецкого А. Н. Маркина. Гельсингфорс, 1882. С. 130 = Max Buch. Die Wotjäken. Eine Ethnologische Studie. Helsingfors, 1882.
- <sup>19</sup> См., например: [23], [32], [2] и др.
- <sup>20</sup> В предпринятой летом 1925 года участники экспедиции Центрального музея народоведения (Москва) по изучению «восточных финнов (мари, вотяки, мордва)» из семи человек (краевед-экономист М. Я. Феноменов, М. Т. Маркелов (мордва-эрзя), И. Я. Бондянов (мордва-мокша), К. П. Герд (удмурт), Б. А. Васильев и М. Веткин (мари) под руководством профессора Б. М. Соколова обратили внимание на родовые знаки-тамги (тистэ) у марийцев. По их наблюдениям, родовыми тамгами помечались борти (вовши), знаки ставились на земле, принадлежащей данному роду, изгородях, лесных заготовках (бревнах, дровах, рыболовных жерлицах), лесных могилах, избах снаружи и внутри [4: 41].
- <sup>21</sup> Вихманн Юрьё (Wichmann) (1868–1932) – финский лингвист, фольклорист.
- <sup>22</sup> Викар Ласло (Vikar) (р. 1929) – венгерский музыкoved, фольклорист.
- <sup>23</sup> Берецки Габор (Bereczki) (1928–2012) – венгерский лингвист.
- <sup>24</sup> См.: Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893. S. 3.
- <sup>25</sup> См.: Vikár L., Bereczki G. Votyák Folksongs. Budapest, 1989. Old. 88.
- <sup>26</sup> См.: Munkácsi B. Volksbräuche und volksdichtung der wotjaken. Helsinki, 1952. S. 438. Текст был записан Бернатом Мункачи со слов Николая Лукьянова (1915 г. р., уроженца Самарской губернии Бугульминского уезда, д. Урысгурт), военно-пленного г. Эстергом [18: 176].
- <sup>27</sup> См.: Курочкин С. Н. Древние вотяки на Вятке, или некоторые черты образа жизни их // Вятские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1852. № 16. С. 128.
- <sup>28</sup> «Подэм пус» в переводе с удмуртского языка обозначает «тамга на бортевом улье».
- <sup>29</sup> См.: Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1889. Т. XIV. Вып. 3. С. 69.
- <sup>30</sup> Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 69.
- <sup>31</sup> См.: Сорокин П. М. О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков. (С изображениями знаков собственности в тексте и отдельной таблицей). Вятка, 1895. Ксерокопия документов Государственного архива Кировской области // Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. оп. 2-Н. Д. № 668. Л. 13об.
- <sup>32</sup> Бух М. Указ. соч. С. 130.
- <sup>33</sup> Бух М. Указ. соч. С. 130.
- <sup>34</sup> Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 69. В качестве доказательства Г. Е. Верещагин в Приложении к своей книге «Вотяки...» помещает образцы семейных тамговых знаков удмуртов с. Завьялово. В неизмененном виде этот рисунок мы представляем в данной работе.
- <sup>35</sup> Петр Матвеевич Сорокин (1860–1895) работал в статистическом отделении Вятской губернской земской управы.
- <sup>36</sup> Сорокин П. М. Указ. соч. Л. 14–14об.
- <sup>37</sup> П. М. Сорокин отличает «по говору бесермян, “понэм пус” или пас» (см.: Сорокин П. М. Указ. соч. Л. 11).
- <sup>38</sup> Сорокин П. М. Указ. соч. Л. 14.
- <sup>39</sup> Подробнее о приемах вычислений и измерений удмуртов см.: [8: 205–216].
- <sup>40</sup> Бух М. Указ. соч. С. 130.
- <sup>41</sup> 1906. С. 22.
- <sup>42</sup> Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 68–69.
- <sup>43</sup> Интересно проследить называние процесса нанесения орнамента на предметы домашнего обихода. Например, Н. П. Лигенко выявлена информация в «Вятских губернских ведомостях» (1877) о «вышивании» кустарями узоров на бураках [14: 124].
- <sup>44</sup> Пас – знак, метка, клеймо, тамга.
- <sup>45</sup> Деятель просвещения XIX века М. И. Михайлов писал: «В долговых между собой обязательствах зыряне вовсе не знакомы с векселями и расписками.... Одолжая земляка, зырянин дает ему на память так называемый “пас” (род русской бирки), на котором делает столько нарезок, сколько одолжено рублей или пудов хлеба, и себе оставляет точно такой же “пас” для того, чтобы не было сомнения при расчете» (цит. по: [11: 77]).
- <sup>46</sup> «Допускают, что Стефан использовал при создании своих букв зырянские знаки “тамга”, или “пасы” (от глагола “пасыть” – метить, помечать, отмечать), выдавливавшиеся на бересте, вырезавшиеся на тонких четырехугольных палочках, служивших в качестве денег, или на шестигранных палочках, представлявших собой календарь» [22: 15]. «Книг же, написанных по-зырянски изобретенными Стефаном буквами, не сохранилось; уцелели лишь отдельные записи» [22: 37]. Археолог В. Б. Никитин при рассмотрении марийских тамг (*tistte*) увидел сходство со знаками древнетюркского рунистического письма. На основе этого он выдвинул предположение о возможности существования у марийцев письменности на основе рунистической графики [1: 56].
- <sup>47</sup> Имеется в виду древнепермское письмо, изобретенное Стефаном Пермским в XIV веке.
- <sup>48</sup> Автор данной работы являлся свидетелем того, как ставили т. н. «скоты клейма» на перепонках лап домашних птиц и ушах домашних животных в виде надрезов в Граховском районе, д. Сарайкино, д. Нижние Юраши.
- <sup>49</sup> Лоток был обнаружен автором данной статьи в деревенском амбаре д. Нижние Юраши Граховского района Удмуртской Республики. Такие лотки для муки, очевидно, изготавливались из древесины листвы или березы, а также из бересты. Как известно, береста была излюбленным материалом у крестьян при изготовлении предметов домашнего обихода. Из нее удмурты делали даже игральные карты [14: 124].
- <sup>50</sup> См.: Герд К. «Новый путь»: Художественная хрестоматия для чтения в удмуртской школе на удмуртском языке. Изд. 2-е. Ижевск: Тип. ВотоблГИЗ-а «Удкнига», 1929. С. 19, 213.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашиков А. Новая расшифровка рунической надписи на камне, обнаруженному в п. Юрино Марийской АССР в 1958 году // Финно-угроведение. 2012. № 1. С. 54–58.

2. Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 272 с.
3. Арматынская О. В. Древние знаки собственности северных удмуртов // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв.: Сб. ст. / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск, 1995. С. 98–105.
4. Бахтина В. А. Восточно-финская экспедиция Б. М. Соколова // Народные культуры Русского Севера: Материалы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 года) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С. 40–45.
5. Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью Зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Т. I. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1997. 304 с.
6. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 384 с.
7. Владыкина Т. Г. «Неочевидные очевидности» фольклорной коллекции Г. Е. Верещагина в современной исследовательской практике // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев; Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2014. С. 27–37.
8. Грацианская Л. Удмуртская народная математика // Записки УдНИИ. Ижевск, 1951. Вып. XV. С. 205–219.
9. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. 239 с.
10. Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск: Удмуртия, 1977. 188 с.
11. Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2010. 520 с.
12. Иликаев А. С. Мифы народов Башкирии: боги и герои. Уфа: Вагант, 2012. 221 с.
13. Ксенонфонтов Г. В. Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Отв. ред. академик А. П. Окладников. М.: Наука, 1977. 247 с.
14. Лигенко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991. 176 с.
15. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). СПб., 2002. С. 314–321.
16. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века / Отв. за выпуск М. В. Гришкина. Ижевск, 1999. 390 с.
17. Лыткин В. И. Древнерусский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952. 174 с.
18. Мункачилен кузымез. Ижевск, 1983. 187 с.
19. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999. 272 с.
20. Поздеев П. К. Удмуртские фольклористические сведения и материалы в письменных источниках XVIII века // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 116–119.
21. Савельева Э. А., Королев К. С. Вначале были пасы // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 258–259.
22. Святитель Стефан Пермский. Серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». Статья, текст, перевод с древнерусского, комментарий. СПб.: Глаголъ, 1995. 280 с.
23. Соболева Н. А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. 488 с.
24. Терюков А. Пас, тас и евреи тундры // Петербургский час ник. 2007. № 33 (499). 22–28 августа.
25. Тошто марий ой-влак / В. А. Акцорин поген, чумырен. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1972. С. 87.
26. Худяков М. Г. Дорвыжи: удмуртский героический эпос / Редакция и комментарии В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; Сост., предисл., перевод на удм. яз. В. М. Ванюшева. Ижевск, 2008. 140 с.
27. Худяков М. Г. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) // Проблемы эпических традиций удмуртского фольклора и литературы: Сб. ст. Ижевск, 1986. С. 97–135.
28. Чайаш халайх пултарулайх. Мифсем, легендасем, халапсем. Шупашкар: Чайаш кэнеке изд-ви, 2004. С. 203–204.
29. Чеснов Я. В. Проглощенное знание и этнический облик // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры: Сб. науч. трудов. Л., 1990. С. 169–180.
30. Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 300 с.
31. Шутова Н. И. К истории почитания Св. Николая Чудотворца в Камско-Вятском регионе // Вестник УдГУ. Вып. 1. История и Филология. 2013. С. 58–64.
32. Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993. 202 с.

Kamitova A. V., Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation)

## UDMURTS' TRADITIONAL UNDERSTANDING OF THE BOOK AND THE WRITING SYSTEM

The article discusses the problem of the Udmurts' traditional understanding of the book and the writing system. A unique typology of the plot was revealed based on the comparative analysis results of the folklore materials recorded by the researchers of the 19<sup>th</sup> century. Similar texts devoted to the issue of the book and the writing system were found in the folklore materials belonging to Chuvas, Mari, and Yakut nations. The similarity of the plots, containing the Udmurt legends, can hypothetically be explained by common historical and ethnic processes. Special attention is paid to the information on *tamga* signs. Ethnographic and folklore-historical aspects of the signs' existence were reviewed. On the basis of the conducted analysis the author came to a conclusion that at certain historical moments, which became critical in the lives of the people, the myths and legends sharing common plot-image outline could have been created. The problem in focus is not completely studied and this fact provides further opportunities for new discoveries.

Key words: book, writing system, sign, tamga, Udmurts' traditional views, Udmurt legends

## REFERENCES

1. Akshikov A. A new deciphering of the runic inscriptions on stone, found in the village Yurino of Mari ASSR in 1958 [Novaya rasshifrovka runicheskoy nadpisi na kamne, obnaruzhennom v p. Yurino Mariyskoy ASSR v 1958 godu]. *Finno-ugrovedenie*. 2012. № 1. P. 54–58.
2. Aleksandrov Yu. V. *Obychnoe pravo udmurтов (XIX – nachalo XX vv.)* [Customary law of Udmurts (XIX – beginning of XX centuries)]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2014. 272 p.

3. A r m a t y n s k a y a O. V. Ancient signs of ownership of the Northern Udmurts [Drevnie znaki sobstvennosti severnykh udmurtov]. *Materiały issledovaniy gorodishcha Idnakar IX–XIII vv.: Sb. st. / Ex. ed. M. G. Ivanova*. Izhevsk, 1995. P. 98–105.
4. B a k h t i n a V. A. The Eastern Finnish expedition of B. M. Sokolov [Vostochno-finskaya ekspeditsiya B. M. Sokolova]. *Narodnye kul'tury Russkogo Severa: Materiały rossiysko-finskogo simpoziuma (3–4 iyunya 2001 goda)* / Ex. ed. N. V. Drannikova. Arhangelsk, Pomorskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2002. P. 40–45.
5. V a s i l ' e v S. F., S h i b a n o v V. L. *Pod ten'yu Zerpala (diskursivnost', samoznanie i logika istorii udmurtov)* [Under the shadow of Zerpal (discouraging, identity and the logic of the history of the Udmurts)]. Vol. I. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 1997. 304 p.
6. V l a d y k i n V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious-mythological world-picture of the Udmurts]. Izhevsk, 1994. 384 p.
7. V l a d y k i n a T. G. “Non-obvious obviousness” folklore from the collection of G. E. Vereshchagin in modern research practice [“Neochevidnye ochevidnosti” fol'klornoy kollektii G. E. Vereshchagini v sovremennoy issledovatel'skoy praktike]. *G. E. Vereshchagin, traditsionnaya kul'tura i prosvetitel'stvo narodov Uralo-Povolzh'ya: Sb. st. / Comp. and ex. ed. V. M. Vanyushev*. Izhevsk, 2014. P. 27–37.
8. G r a t s i a n s k a y a L. Udmurt traditional mathematics [Udmurtskaya narodnaya matematika]. *Zapiski UdNII*. Izhevsk, 1951. Issue XV. P. 205–219.
9. G r i b o v a L. S. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi* [Decorative-applied art of the peoples of Komi]. Moscow, 1980. 239 p.
10. G r i s h k i n a M. V. *Krest'yanstvo Udmurtii v XVIII veke* [The peasantry of the Udmurt Republic in the eighteenth century]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1977. 188 p.
11. Z y r y a n e i z y r y a n s k i y k r a y v l i t e r a t u r n y k h d o k u m e n t a k h X I X v e k a [Zyryans and Zyryan region in the literary documents of the nineteenth century] / Comp., vступ. ст. V. A. Limerova. Syktyvkar, OOO “Izdatel'stvo “Kola”, 2010. 520 p.
12. I l i k a e v A. S. *Mify narodov Bashkirii: bogi i geroi* [Myths of the peoples of Bashkortostan: gods and heroes]. Ufa, Vagant Publ., 2012. 221 p.
13. K s e n o f o n t o v G. V. *Elleyada. Materiały po mifologii i legendarnoy istorii yakutov* [Allayed. Materials on mythology and legendary history of the Yakuts] / Otv. redaktor akademik A. P. Okladnikov. Moscow, Nauka Publ., 1977. 247 p.
14. L i g e n k o N. P. *Krest'yanskaya promyshlennost' Udmurtii v period kapitalizma (60–90-e gg. XIX v.)* [Peasant industry of Udmurtia in the period of capitalism (60 – 90s of the XIX century)]. Izhevsk, 1991. 176 p.
15. L o t m a n Yu. M. Canonical art as informational paradox [Kanonicheskoe iskusstvo kak informatsionnyy paradoks]. *Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva (Seriya “Mir iskusstv”)*. St. Petersburg, 2002. P. 314–321.
16. L u p p o v P. N. *Khristianstvo u votyakov so vremenem pervykh istoricheskikh izvestiy o nich do XIX veka* [Christianity in Votyaks since the first historical news of them until the nineteenth century] / Otv. za vypusk M. V. Grishkina. Izhevsk, 1999. 390 p.
17. L y t k i n V. I. *Drevneperm'skiy yazyk. Chtenie tekstov, grammatika, slovar'* [The Old Perm script. Reading texts, grammar, dictionary]. Moscow, 1952. 174 p.
18. Мункачилэн күзүймэз. Ижевск, 1983. 187 c.
19. N u r i e v a I. M. *Muzyka v obryadovoy kul'ture zavyatskikh udmurtov: problemy kul'turnogo konteksta i traditsionnogo myshleniya* [Music in ritual and culture Zavatsky Udmurts: problems of cultural context and traditional thinking]. Izhevsk, 1999. 272 p.
20. P o z d e e v P. K. Udmurt folklore information and materials in written sources of the XVIII century [Udmurtskie fol'kloristicheskie svedeniya i materialy v pis'mennykh istochnikakh XVIII veka]. *200 let udmurtskoy pis'mennosti*. Izhevsk, 1976. P. 116–119.
21. S a v e l ' e v a E. A., K o r o l e v K. S. First there were the passes [Vnachale byli pasy]. *Atlas Respubliki Komi*. Moscow, 2001. P. 258–259.
22. V i a t i c h a l Stephen of Perm. The series “Ancient stories of the memorable people, places and events” [Svyatitel' Stefan Permskiy. Seriya “Drevnerusskie skazaniya o dostopamyatnykh lyudyakh, mestakh i sobityiyakh”. Stat'ya, tekst, perevod s drevnerusskogo, kommentarii]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1995. 280 p.
23. S o b o l e v a N. A. *Ocherki istorii rossiyskoy simvoliki. Ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta* [Essays on the history of Russian symbolism. From Tamga symbols of state sovereignty]. Moscow, 2006. 488 p.
24. T e r y u k o v A. Pas, tas and Jews tundra [Pas, tas i evrei tundry]. *Peterburgskiy chas pik* [Petersburg rush hour]. 2007. № 33 (499). 22–28 avgusta.
25. Топшто марий ой-влак / В. А. Акцорин поген, чумырен. Йошкар-Ола: Книгам лужшо марий изд-во, 1972. С. 87.
26. K h u d y a k o v M. G. Doryuzhy: Udmurt heroic epic [Doryuzhy: udmurtskiy gericheskij epos]. / Redaktsiya i kommentarii V. M. Vanyusheva i D. A. Yashina; Sostavlenie, predislovie, perevod na udm. yaz. V. M. Vanyusheva. Izhevsk, 2008. 140 p.
27. K h u d y a k o v M. G. The song of Udmurt heroes [Pesn' ob udmurtskikh batyrakh (Iz narodnogo eposa udmurtov. Pesni, skazaniya...)]. *Problemy epicheskikh traditsiy udmurtskogo fol'klora i literatury: Sb. st.* Izhevsk, 1986. P. 97–135.
28. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 203–204.
29. C h e s n o v Ya. V. Swallowed knowledge and ethnic look [Proglochennoe znanie i etnicheskij oblik]. *Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury: Sbornik nauchnykh trudov*. Leningrad, 1990. P. 169–180.
30. S h k l y a e v G. K. *Ocherki etnicheskoy psichologii udmurtov* [Essays on psychology of ethnic Udmurts]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN Publ., 2003. 300 p.
31. S h u t o v a N. I. The history of the veneration of the Saint. Nicholas in the Kama-Vyatka region [K istorii pochitaniya Sv. Nikolaya Chudotvorta v Kamsko-Vyatskom regione]. *Vestnik UdGU*. Vyp.1. Istorya i Filologiya. 2013. P. 58–64.
32. Y a k h t a n i g o v K h . *Severokavkazskie tamgi* [North Caucasian Tamga]. Nalchik, 1993. 202 p.

Поступила в редакцию 24.12.2015